

Кубист третьей степени

Волдемарс Матвейс в Русском музее

КОММЕРСАНТ. - 2004. - 16 ОКТЯБРЯ. - С. 8

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В Русском музее открылась выставка «Волдемарс Матвейс в Петербурге». Из Художественного музея Латвии привезли сорок картин и тридцать фотографий, сделанных художником за те десять лет (1904–1914), что он прожил в тогдашней столице, — практически все его наследие. О роли латышского гения в истории русского искусства рассказывает АННА ТОЛСТОВА.

Небольшую выставку Волдемарса Матвейса несколько лет назад показывали в Москве, в ГМИИ имени Пушкина. Тогда все ждали подробностей об интригующем авторе, все казалось слишком случайным, не доведенным до ума. И вот фактически ретроспектива. Но картин законченных и здесь почти нет. Преобладают этюды — итальянские, парижские. Разумеется, академические этюды натурщиков, а также этюды к будущим композициям. В основном блеклые цвета и тягучие формы какого-то ма-

ловнятного символизма. Не вполне русского, голуборозовского. Скорее французского: там, где поярче и поэнергичнее, с Мадоннами и распятиями — от Гогена понт-авенских времен; там, где потише и в шпалерных тонах, с блуждающими в сказочных лесах принцессами, — от Мориса Дени. Последние этюды — Матвейс тогда как раз съездил в Норвегию и Германию — напомним Эдварда Мунка. Разве что бледные зимние виды Петербурга выдают хорошего ученика Яна Ционглинского. И если Россия и имеет права на этого латышского художника с европейскими замашками — так только потому, что до начала первой мировой он был одним из самых страстных и деятельных архитекторов крепости русского авангарда.

Волдемарс Матвейс (1877–1914), более известный под русифицированным именем Вольдемар Матвей, а еще более по литературному псевдониму

Владимир Марков, — фигура апокрифическая, неосуществившийся гений. Можно сказать, что 37-летний живописец умер трагически рано, студентом последнего курса Петербургской академии художеств, так ничего как собственно художник и не успев. Зато успел стать одним из основателей Союза молодежи, куда входили Матюшин, Малевич, Татлин, Филонов, Розанова, Ларионов с Гончаровой — все-все-все. Делал выставки, писал формалистские статьи и книги, доказывая аксиому модернизма о том, что пластическая форма идет от материала. Переводил китайскую поэзию. Путешествовал. Ездил в Париж к кубистам и в Мюнхен к экспрессионистам — собирать работы для будущего Музея современного искусства. Погряз в организационной работе. Где уж тут было успеть что-то большее, чем этюды. Так что в академических студентах проходил в общей сложности десять лет, и его

как-то раз едва не отчислили за «хвосты». В Русском музее показывают несколько юношеских, таких же, в сущности, маловыразительных работ Малевича, Гуро и Школьника — словно в напоминание о том, что не такие уж и боги обжигали самые первые горшки авангарда.

Со многими из будущих богов, судя по немногочисленным письмам и воспоминаниям, Матвейс был дружен. В Париже, кажется, заходил в мастерские к Пикассо и Матиссу, которых боготворил; от них как раз все то, чем прославился Владимир Марков. То есть кубистической любовью к первобытной скульптуре и книгами про нее: «Искусство острова Пасхи» 1913 года, «Искусство негров», изданное посмертно, в 1919-м, вдовой Матвейса Варварой Бубновой, «Искусство Северной Азии», которое не успели напечатать, а рукопись и вовсе потеряли. Все иллюстрировал сам: облазил десятки этнографических музеев Европы

на предмет африканских или эскимосских статуэток, заставлял недоумевающих хранителей вытаскивать этот пыльный хлам из шкафов и, как безумный, фотографировал (современные отпечатки со стеклянных негативов Матвейса, до сих пор хранящихся в Риге, и привезли в Петербург).

Судя по этой целеустремленности на грани сумасшествия, он пошел бы и дальше. И то, что искал в Африке, на острове Пасхи или в Сибири, смог бы наконец найти под самым боком — в родной латышской деревне своего отца. Во всяком случае, дивный набросок 1910 года со статуи Христа убеждает в том, что и в прибалтийской деревянной готике он тоже видел это первобытное чувство материала. Впрочем, сослагательный тон здесь неуместен: сделанного Матвейсом вполне достаточно, чтобы по праву занимать свое скромное, но почетное место в авангардистском пантеоне.

Волдемарс Матвейс
Волдемарс Матвейс
16.10.04